

объяснялась по-разному. Полагали, что свернутый свиток пророка должен был свидетельствовать, что Моисей в отличие от других представленных на памятнике пророков, не был провозвестником явления Мессии³. Приходило на ум и другое объяснение: в свернутом свитке Моисея предполагалось видеть воплощенное в художественной форме косноязычие пророка, засвидетельствованное в Библии.

Однако ныне, когда мы глубже и полнее представляем художественную и идейную сущность реликвария, изображение пророка со свернутым свитком следует, по-видимому, трактовать иначе. Правильнее, как нам кажется, будет видеть в этом образе древнее и сравнительно редкое изображение Моисея со свитком, который означает не сумму его пророчеств, а писание, содержащееся в свитке Торы. Это согласуется со старой еврейской литературной традицией, по которой Иегова на горе Синае вручил пророку не скрижали завета, а свиток Торы⁴. Именно молодым и со свитком (как правило, свернутым) Моисей предстает на ряде ранних разнообразных памятников: пиксида слоновой кости из собрания Думбартон Окс в Вашингтоне, датированная концом V—VI вв. и приписываемая Сирию или Палестине⁵, серебряный реликварий V в. из музея в Фессалониках⁶, саркофаг V в. из Раннехристианского музея в Таррагоне⁷, известняковая стела врача Иоанна V в. из музея им. Боде в Берлине⁸, мозаика левой алтарной стены церкви

Сан Витале в Равенне, 521—547 гг.⁹, две фрагментированные ткани V—VI вв. из Ахмима, рисунок на которых исполнен в технике резерважа (Берлин, собрание Государственных музеев¹⁰, и Лондон, музей Виктории и Альберта¹¹).

Изображения Моисея со свитком в руках на перечисленных памятниках толковались не только как получение им свитка Торы, но и как выражение миссии, порученной им на горе Хорив¹², и, согласно типологической традиции раннехристианских отцов церкви, Моисей—спаситель своего народа и законодатель, предстает как прообраз Христа¹³. Для нас это не столь важно. Главное—подобная трактовка образа Моисея древняя. И в этом смысле его интерпретация на реликварии из Скевры вполне укладывается в общую тенденцию создателей памятника, ориентировавшихся на архаические образцы. Это нашло отражение в древней простой (по образному армянскому названию «սիրիակիտ»—«скрипчиком») форме триптиха, в сдержанности его оформления, в построении большинства фигурных изображений по старым, раннехристианским образцам (убедительным примером чего может служить и образ Моисея)¹⁴.

Полагаем, что высказанные здесь соображения раскрыли еще одну грань шедевра армянского средневекового искусства, каким является реликварий 1293 г. из Скевры.

А. Я. КАКОВКИН (Ленинград)

³ А. Я. Каковкин. К вопросу о скверском складе 1293 г.—Византийский временник, 1969, вып. 30, с. 198.

⁴ L. Ginzberg. The Legends of the Jews. Т. 3. Philadelphia, 1947, p. 119.

⁵ Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century. New York, 1979, № 421, p. 469—470.

⁶ M. Panayotidi, A. Grabar. Un reliquaire paléochrétien récemment découvert près de Thessalonique.—Cahiers archéologique, 1975, XXIV, p. 33—39, fig. 7.

⁷ J. Serra-Vilaró. I sepolari della necropoli di Tarragona.—Rivista di archeologia cristiana, 1937, XIV, p. 251. fig. 12, 2.

⁸ А. Эффенбергер. Памятники византийской скульптуры из собрания Госу-

дарственных музеев Берлина. Каталог выставки. Л., 1982, № 6, с. 25—27.

⁹ В. Н. Лазарев. История византийской живописи. Т. II, М., 1948, табл. 30.

¹⁰ А. Эффенбергер. Указ. соч., рис. на с. 26.

¹¹ A. F. Kendrick. Catalogue of Textiles from Burying-Grounds in Egypt. Vol. III. London, 1922, p. 65—66, № 767, pl. XX.

¹² O. von Simson. Sacred Fortress, Byzantine Art and Statecraft in Ravenna. Chicago, 1948, p. 32.

¹³ J. Denielou. The Bible and the Liturgy. Notre Dame, 1951, p. 93—95; L. Goppelt. Typos: Typologische Deutung des Alten Testaments im Neuen. Darmstadt, 1966, S. 70—72.

¹⁴ А. Я. Каковкин. К вопросу..., с. 202—203.